

Валерий Дудаков

СТИХИЯ СТИХА

ОСЕННИЙ
НОВЫЙ ГОД

КНИГА СОРОК СЕДЬМАЯ

Поэзия Валерия Дудакова

Валерий Дудаков

**Стихия стиха. Осенний новый
год. Книга сорок седьмая**

«Пробел-2000»

2026

УДК 821.161.1-1 Дудаков
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

Дудаков В. А.

Стихия стиха. Осенний новый год. Книга сорок седьмая /
В. А. Дудаков — «Пробел-2000», 2026 — (Поэзия Валерия
Дудакова)

ISBN 978-5-907975-32-3

Книга предназначена для любителей современной поэзии.

УДК 821.161.1-1 Дудаков
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

ISBN 978-5-907975-32-3

© Дудаков В. А., 2026
© Пробел-2000, 2026

Содержание

Стихи стихии	6
Сентябрьские рассуждения	7
Моя обида	8
Сентябрьская элегия	10
Тихое утро в духе Хармса	11
Пляжная ерундовина	12
Сентябрьское пробуждение на Раменке	13
Утро стихосложения	14
Сентябрьское колдовство	15
На пробуждение Эле	16
Сетую	17
Вспоминая поездку в Тарусу	18
И снова в Тарусе	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валерий Дудаков
Стихия стиха. Осенний новый
год. Книга сорок седьмая

Эленьке, любви моей поздней осени – посвящаю

На обложке:

С.В. Чехонин. Виньетка с обложки архитектурно-художественного сборника «Новый Петербург» (1913)

© Дудаков В.А., 2026

СТИХИ СТИХИИ

Стихи и стихия созвучны,
В них звук напряжения слит,
И может, в слиянии звучном
Гармония мира звучит.

А может, Вселенной разлады,
Чтоб боли её не забыть,
И в звонких созвучиях надо
В поэзии нам отразить.

Вождей призывать к отшельничеству,
Уставших – к смирению в судьбе,
Но в строфах глаголов священных
Поэт призывает к борьбе.

А может, к расслабленной неге,
Мечтам по иным берегам,
Местам, где пока ещё не был,
Но тем, снятся что по ночам.

Возможно, что пафос мой ложный,
Но выстрадан болью уже,
Ведь жить без стихов невозможно,
Я слился с стихией уже.

Сентябрьские рассуждения

С летом благодатным мир расстался,
Ранняя осенняя пора,
И недаром, что сентябрь являлся
Стражем года в времена Петра.

Для меня сентябрь – пора прощанья,
Время размышления в стихах
И в воспоминаниях печальных
О так трудно прожитых годах.

Нелегко они дались, непросто,
Перейдя чрез семь десятков лет,
Не считая с единиц до со ста,
Подтвердив: семь бед – один ответ.

И ответ приходит запоздалый,
Через многие десятки лет,
Всё, что было, всё прошедшим стало,
У него и будущего нет.

Смутно это будущее вижу,
Мудростию Бог не наделил,
Хорохорюсь всё ещё и пыжусь,
Словно вновь о возрасте забыл.

Ну а он всё мне напоминает,
Что, пожалуй, не дано забыть,
В старости желание бывает
Свою юность вновь переоценить.

И смириться, сделано немного,
К большему готов был, в том вся суть.
Но себя судить не стану строго,
Божий будет, справедливый суд.

Моя обида

Да, отец, ты не был друг со мною,
Не сошлись мы , что ни говори,
Разные мы были, я не скрою,
Ты смирялся, я всегда бузил.

Но проститься смог тогда в больнице,
За день до ухода твоего,
И с тех пор ночами часто снится
Вздорность поведенья моего.

Не простил я вам ко мне измену,
Бросили меня вы в декабре,
В дни, когда рождались перемены
В нашей так истерзанной стране.

Год гремел победой сорок пятый,
Праздничным он был для всей страны,
Вы же были все ещё солдаты
И приказам Родины верны.

А она послала вас в Маньчжурию,
Выгнать из неё японский дух,
На «высоких берегах Амура»
Был тогда к моей ты жизни глух.

И моя «родительская» тётка
С ацидофилином в рюкзаке
Шла со мной на лекции, неловко
Соску в повреждённой сжав руке.

Русь кляла убогих век от века,
Обижали все кому не лень,
Тётя же, хотя была калекой,
Но за жизнь боролась каждый день.

Выходили бабушка и Кыка,
Тётку я с младенчества так звал,
Но осталась долго не забыта
Та обида, что я с детства знал.

И когда с отцом вернулась мама
Из далёкой чуждой нам страны,
Звал её я Алькой, как ни странно,
Да и ласки были не нужны.

Недополучил я их от мамы,
Не были мы близки никогда,
Не был сыном для неё желанным
С нею все прошедшие года.

И теперь на кладбище в Кузьминки
В День поминовения спешу,
Помолюсь на вашей я могилке,
И у вас прощенья попрошу.

Лечь в неё придётся вместе с вами,
Здесь покой семьи на много лет,
И надеюсь, что простите сами
Этих «сердца горестных замет».

Сентябрьская элегия

Сентябрьские тихие утра,
Прозрачных небес серебро,
Меняется день поминутно,
Легко на душе и светло.

Узорные листья каштанов
Заснули, и ни ветерка,
Но так по-осеннему рано
Застыл горизонт в облаках.

Пророчит дожди грозовые,
Погод перемены пока,
Прозрачны покои лесные,
Их солнце пригрело слегка.

То первых посылов приметы,
На осени скорый привет,
Ну что ж, впереди бабье лето,
И лучшего времени нет.

Тихое утро в духе Хармса

Сентябрьские утра – стихов отраженье,
И город ещё не приходит в движенье,
Так много поэты о них говорят:
Прозрачны и призрачны дни сентября.

Я лирик, но часто к иронии склонен,
Мне осень горланно прославят вороны,
Рассвет проворонят – проснёшься в тиши,
Хоть сколько о них по утрам ни пиши.

А можно на утро взглянуть и иначе,
Когда начинается выгул собачий,
Болонки и шавки, бульдоги, к примеру,
Разгавкались, всё-таки знали бы меру.

Но вот мне, к несчастью, выпало лихо –
Собачатся громко, в азарт дворничихи,
Нет, чтобы скандал учинить в уголке
На мне непонятном чужом языке.

Но для пробужденья ещё есть причина –
Сосед с озлобленьем заводит машину,
Но это не сразу ему удаётся,
Без сна мне, наверно, остаться придётся.

Но всё же люблю я сентябрьские утра,
Хотя дать пинка и хотелось кому-то,
Их всех замолчать я готов попросить,
Закрою глаза, чтоб зарыться в стихи.

Пляжная ерундовина

Дивы дивные бродят стадами
У искрящейся кромки воды,
Щеголяя босыми ногами,
Поцелуев смывая следы.

Я ценю их изящество, стройность,
Прикоснуться к ним страшно, аж жуть.
Но позволить нельзя эту вольность,
Девы твёрдых намерений ждут.

Я для них ловелас и повеса,
И к тому ж престарелый, в годах,
Да и в сексе не смыслю ни беса,
Непонятно, что прячу в штанах.

Загорели до солнечных корок,
Так втемяшится вдруг ерунда,
Чур меня, отгоню этот морок,
Я купаться приехал сюда.

Сентябрьское пробуждение на Раменке

Я осень сужу по приметам,
А сколько их – мною не в счёт.
Так быстро кончается лето,
Так осень стремглав настаёт.

Уже облетают каштаны,
Под утро туман на меже,
Деревья залечивать раны
В лучах не способны уже.

Стыдливо берёзы свернулись,
Их листья за ночь в серебре,
И к Раменке ивы нагнули
Покров, непривычный к жаре.

Бормочет тягач – тягомотно
Асфальт к зиме заново класть.
И только воронам вольготно,
Простудно раскаркались всласть.

Рассветная дымка растает,
Проснусь, только встать не готов,
Но осень мне напоминает,
Что время приходит стихов,

Что ночью явились в виденьях,
Мешают покойно мне спать,
А утром приходят сомненья,
Мол, стоит ли в свет выпускать.

Иллюзии лета так смутны,
Расстаться я с ним не готов,
Но дышит сентябрьское утро
Предвестьем ночных холодов.

Утро стихосложения

В шесть часов встаю я по привычке,
Тишину сентябрь приносит в дар,
Только редкий шелест электрички
И вороньих хрипов перегар.

Ветра нет, не шелохнутся ветки,
Отчего покойно – не пойму,
Надо взять, пожалуй, на заметку,
Как пригрела осень тишину.

В прятки бродит солнце поминутно,
То моргнёт, то скроется в тенях,
Из моих ночных видений смутно
Вызрел стих, что радует меня.

Дал росток таинственно и странно,
Словно я давно его сложил,
Лёг на лист бумаги телеграммой,
Знаком симпатических чернил.

Я его под утро обнаружил,
Вроде сам и вовсе не писал,
Лист осенний в лёгком солнце кружит –
Это вновь стихи писать сигнал.

Сентябрьское колдовство

Отлетает лето в птичий гомон,
Подарило, что отдать смогло,
И с прохладой осень невесомой
Паутинкой ляжет на стекло.

Облака прозрачной дымкой тают,
Перекрасят клёны свой наряд,
И, курлыкнув на прощанье, стайей
Журавли в дорогу полетят.

Вспыхнет луч таинственно и странно,
Но застынет, будто не спешит,
И в тиши протяжно и неожиданно
Нас кукушка сроком удивит.

Голос звонкий в высях слышен где-то,
Неприметно многое прошло,
И для нас прославит бабье лето
Сентября земное колдовство.

На пробуждение Эле

Длится тепло сентября до отчаянья,
Словно зависший прыжок,
Эти слова так неожиданно-нечаянно
Я написать тебе смог.

Ранний рассвет улыбнётся заманчиво,
Грустно вздохнёт, замерев,
Словно кошачье утро тишайшее
Гладит верхушки дерев.

Пусть не пугают нас хлопоты мнимые,
Может, тревожимся зря,
Что тебе снилось сей ночью, любимая,
В первые дни сентября?

Буду тебе я опорой крепкою,
Рядом всегда и везде,
Пусть ты проснёшься,
И светом приветливым
День улыбнётся тебе.

Сетую

Встаю я в семь часов,
Не поздно и не рано.
Гортанный угомон
Рассерженных ворон,
Сигналом прозвучит
Волнение их по рани.
И кажется мне странным,
Как пух с берёз летит.
Проснувшись ото сна,
Я снова вижу сон.
Быть может, он рождён
Моим дефектом зренья,
Тревожит он меня
Мерцательной мигренью,
Что набегает тенью
На ясный абрис дня.
Но кажется порой,
Дефект полезен зренья,
И видит лучше тот,
Закрыты чьи глаза,
Что надобно уменье
Не видеть, что вокруг,
И многое не знать.
Так завершаю дни,
Ни шатко и ни валко,
Бессмысленной чредой
Растратятся они.
И вновь наступит ночь,
И видеть очень жалко,
Как погасают вслед
Вечерние огни.

Вспоминая поездку в Тарусу

В Тарусу путь небыстрый, пусть и ближний,
Но надоело всем в Москве нам быть,
Немухин, Штейнберг, Хейфец, я, Калинин
Решили Русь Тарусы навестить.

Шёл дождь, и притомились мы от скуки,
Лишь только Хейфец нёс сплошную хрень,
К Немухину заехали в Прилуки,
Где в огороде лук, чеснок и хрен.

И сели на пригорке сикось-накось
Мы испытать нехитрой снеди вкус,
Казалось, что так вкусна эта закусь,
Полезней устриц, крабов и лангуст.

И этот день прочувствовав всей кожей,
В него вложив внимание своё,
Подумали: какой художник сможет
Без рюмки водки скрасить бытие.

Ко мне нередко мысль одна приходит:
Вот вспомнит кто о нас когда-нибудь?
Давно уж нет и Славы, и Володи,
И скоро я земной окончу путь.

Теперь, конечно, вспоминать мне грустно
Те наши размышленья у реки,
И будет вечно старая Таруса
Заглядывать в течение Оки.

И снова в Тарусе

Нам близко знакомо давно это место,
Сюда приезжаем совсем не впервой,
Подъёмы и спуски, поля, перелески
И воспоминаний бесчисленный рой.

Закаркала стая ворон без причины,
В Поленово утренний плыл пароход,
К нам ветер занёс на окно паутину,
Пометив тем самым осенний приход.

Здесь многое вспомнить сегодня причина,
Сей благодатный край мы любили не зря,
Рождались стихи и писались картины
В прозрачные ночи и дни сентября.

Не свыклась Таруса с порядком московским,
Сто первый был где-то за краем земли,
Что ж, подлинным классиком был Паустовский,
Но в классы те Штейнберг и Зверев прошли.

И Свешников Боря тут жил под запретом,
Здесь где-то поблизости, я подзабыл,
А рядом, в пределах десяти километров,
Володя Немухин с Калининым жил.

В общении не было места для скуки,
Затейливо речи в застольях вились,
И так ненавязчиво стали Прилуки
Приютом не любящих соцреализм.

Рассвет пробужденье Тарусы отсрочит,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.